

А.Е. Мазуров

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА И РАБОТА С ФАКТАМИ В ФЕЛЬЕТОНАХ Ф.В. ВОЛХОВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ 1882–1884 гг.)

Рассматривается вопрос о работе с фактами в фельетонах ведущего сотрудника дореволюционной «Сибирской газеты» Ф.В. Волховского. Новостные подборки «Сибирской газеты» сопоставляются с содержательной частью фельетонов. Делается вывод о том, что синтез документального и художественного, который представлен в публикациях газеты, позволяет говорить о фельетонах Волховского как об особом формате сибирской публицистики, находящейся в тяжелых цензурных условиях.

Ключевые слова: фельетон; новость; факт; Ф.В. Волховский; «Сибирская газета»

Введение. Фельетон был одним из востребованных жанров дореволюционной периодики. Благодаря фельетону журналисты могли сфокусировать внимание на острых общественных проблемах, обходя цензурные запреты. Этому способствовала специфика фельетона как особого синкретического жанра, содержащего в «слитном, нерасчлененном состоянии элементы различных жанровых форм» [1, 2]. Ключевым отличием фельетона от других сатирических форм является непосредственная работа с фактами, которые вводятся в текст: это его специфика и преимущество как художественно-публицистического жанра [3–5].

Для периодических изданий Сибири конца XIX в. характерным приемом работы с фактами было создание на их основе фельетонов: тексты местных фельетонистов опирались на городские, общероссийские и мировые новости, затрагивая экономические, общественно-политические и культурные сферы жизни в обход предварительной цензуры.

Одним из ключевых фельетонистов сибирской периодики был Ф.В. Волховский – поэт-народник, который считался «негласным редактором» первой томской «Сибирской газеты» (1881–1888) [6, 7]. Газета включала в себя не только журналистские жанры – аналитические материалы, хронику российской, сибирской и иностранной общественной жизни, но и литературно-критические и художественные, художественно-публицистические: литературные обозрения, беллетристику (стихотворения, рассказы, очерки, фельетоны). За восемь лет в «Сибирской газете» было опубликовано 355 художественных и художественно-публицистических материалов, в их числе более 100 фельетонов. Автором 89 фельетонов был Ф.В. Волховский.

Целью исследования является выявление документальной основы сатирических жанров в дореволюционной сибирской периодике на примере фельетонов Ф.В. Волховского. Материалом исследования являются фельетоны Волховского, опубликованные в «Сибирской газете» в 1882–1884 гг. В работе применяются метод жанрового исследования, метод жанрового анализа, нарративный метод, контент-анализ.

Исследователи, останавливая свое внимание на художественных особенностях фельетонов Волховского, практически не затрагивали вопрос об их документальной основе (см.: [6, 8–13]). Также редко

рассматривались проблемы сопоставления факта и вымысла, художественности и публицистичности в исследованиях, посвященных фельетону как жанру [1, 2, 4, 5, 14, 15].

Формы представления фактов в фельетонах Ф.В. Волховского. 1882–1884 гг. – время активной фельетонной работы Волховского, который выступал в «Сибирской газете» под различными псевдонимами, используя их как полноценные «литературные маски», наделяя каждую из них своеобразной манерой изложения материала. В этот период было опубликовано 40 фельетонов под псевдонимами: «В тиши расцветший василек», «Фома», «Иван Брут», «Я. Ачинский», «Дядя Федул», «Консерватор». Среди них можно выделить циклы фельетонов, посвященных разным проблемам общественной жизни Сибири, «адресные» циклы, стихотворные фельетоны и фельетоны-сказки. Несмотря на доминирование во многих текстах Волховского художественного начала, фактическая основа присутствовала в большинстве фельетонов.

Можно выделить шесть типов бытования факта в фельетонах Волховского:

- неопубликованный факт (43 факта);
- новость из газет (19 фактов);
- новостной контекст (15 фактов);
- отсылка к новости (13 фактов);
- конфликт как информационный повод (11 фактов);
- условная новость (10 фактов).

Из-за необходимости проходить процедуру предварительной цензуры огромная часть фактов не могла быть опубликованной на страницах «Сибирской газеты»: о злоупотреблениях чиновниках, об административном произволе, о растратах, подлогах, об унижении простого народа и т.д. Именно эти неопубликованные факты, которые становились известны газете благодаря сотрудничеству с внештатными корреспондентами, чаще всего становились документальной основой фельетонов Волховского.

В качестве примера можно привести факт, ставший основой для одного из фельетонов цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах». В фельетоне Волховский осуждал поведение безымянного «иркутского коммерсанта», для которого не имела никакой ценности человеческая жизнь: «У некоего иркутского коммерсанта, ведущего большую торговлю и имеющего большой каменный дом на Большой улице столицы Восточной Сибири жила

теща, старушка лет 75: с детьми водилась... Вдруг старушка заболела: домашний доктор коммерсанта предсказывает ей смерть. Что-же теперь делать? А что делают с вещью, когда она изнашивается на службе? – ее бросают, только и всего!» (СГ. 1883. № 19).

Факт жестокого обращения со старушкой не мог быть опубликован в качестве полноценной новости, но он нашел место в фельетоне: послужил иллюстрацией к тезису о «дешевизне человеческой жизни».

Нередко в текстах Волховского встречались упоминания о неопубликованных корреспонденциях: в этом случае публицист, как правило, приводил текст внештатного автора полностью, а затем комментировал ее.

Другой разновидностью этого типа были слухи, с которыми также охотно работал фельетонист. Так, в материале из цикла «Письма с ярмарки» (псевдоним «Фома»), автор, описывая грабеж и разбой на дорогах, приводил в пример убийство, о котором он слышал: *«Только что в 6 верстах от города, на проезжей дороге, найден убитым какой-то “богатый”, как говорит молва, и рядом с ним молодая, лет 15 девушка»* (СГ. 1882. № 50).

Необходимо отметить, что цикл фельетонов «Фомы» «Письма с ярмарки» стоит особняком в этом разделе: в текстах к неопубликованным фактам относятся авторские впечатления от ярмарки. Своими глазами автор видел драки, убийства, «мордобой», мог подсчитать количество посетителей, отметить самые покупаемые товары, т.е. источником фактов выступал сам автор, участвующий в событии.

Следующими по частоте в фельетонах Волховского были приемы использования опубликованных новостей из разных газет, присылаемых в редакцию «Сибирской жизни», и создания новостного контекста. Ссылка на газетные новости служила фельетонисту для подкрепления его тезисов, причем Волховский довольно часто упоминал источник, в котором он нашел нужный факт. Впрочем, если ссылки не было, то новость все равно можно было найти в газетных публикациях, поэтому такие факты объединены в этой группе.

Как правило, такие новости были представлены в фельетонах в качестве комментария к сообщаемой ранее информации. Например, в фельетоне Ивана Брута присутствовала «история о внесении угодения в городской бюджет»: *«В № 45 вашей газеты в корреспонденции из Балаганска было сказано, будто город ожидает много хорошего от недавно выбранного в городе головы купца Б., недаром же ему назначили 400 р. годового жалованья... История ассигнования 400 р. такова: господин голова обратился к господам гласным с такою, примерно, речью: “Господа гласные, ведь мне нужно будет угощать лиц начальствующих и иных; без этого нельзя”... ну и ассигновали»* (СГ. 1883. № 5).

В этом фрагменте фельетонист привел историю про «угощение» со ссылкой на событие, которое уже было освещено в «Сибирской газете» – выборы нового главы в Балаганске. Также Волховский периодически «заимствовал» факты из более крупных форм

журналистского текста – из аналитических материалов, статей, очерков.

Обращение к новостному контексту, которое нередко встречалось в фельетонах Волховского, означало отсылки к сведениям, уже известным читателям «Сибирской газеты», без каких-либо пояснений: чаще всего это реплики о погоде, комментарии к календарным праздникам, рассказ о событиях общественной жизни. Примером этому может служить отрывок из фельетонного цикла «Нечто о сезоне и прочем» (подписано «В тиши расцветший василек»): *«В наступлении зимы уже едва ли может быть сомнение, хотя по календарю теперь еще должна быть осень: у нас в Томске уже прекрасная санная дорога»* (СГ. 1882. № 42).

В процитированном тексте было представлено много малых объектов сатиры, которые составляли часть сатирического метаобъекта «замороженный город». Так, мороз Волховский связывал со «старанием нагреть томскую публику» фокусником Сименсом, который в это время как раз выступал в городе. Также автор упоминал Северное телеграфное агентство: оно *«принесло нам по телеграфу столько морозов, ледостанов, низких температур и т.п., что, как известно, почти все политические известия этого агентства от такого соседства в дороге замерзли и до нас не дошли»* (СГ. 1882. № 42).

В своих текстах Волховский опирался не только на события реальной жизни, но и на знакомые читателям художественные образы, на фоновые знания, которые создавали контекст разворачиваемого фельетонного сюжета. Так, в фельетоне «Мой тост (и сон, и быль)» (подписано «Фома») автор описывал «золотого тельца»: *«Наверху, выше всех и всего стоял золотой тельца; неподвижный, холодный, бесстрастный и точно с насмешкой глядел вниз на копошащуюся толпу своими злыми металлическими глазами. Все взоры были обращены к нему с мольбой и надеждою. К нему-то бежал и эти люди, протягивали руки, толкали, топтали друг друга. Один душил, другой толкал в пропасть, третий взбирался по трупам»* (СГ. 1883. № 6).

Этот образ иллюстрировал мысль автора о том, что Сибирь страдает от дельцов, думающих только о наживе, высасывающих все силы, все ресурсы из страны, но ничего не дающих ей взамен.

«Отсылки» как категория работы с фактами встречаются в материалах разных жанров, связанных одной темой. В качестве примера можно привести фельетон из цикла «Сибирский музей» (подписано «Консерватор») (СГ. 1884. № 22), где было опубликовано стихотворение корреспондента Касьяна со словом «пятак». Этот фельетон стал частью развернутого сюжета о том, как томская дума решила подать в суд на «Сибирскую газету» из-за «диффамации города Томска» [16]: публикуя информацию о сборе пожертвований в пользу семьи недавно умершего сибирского поэта И.В. Оммулевского, газета нелегально отозвалась о жителях Томска, которые собрали минимальное количество средств, и сравнила Томск с «бездушным мешком с деньгами, сердце которого имеет вид медного пятака» (СГ. 1884. № 12). Об этом шла речь также в другом фельетоне из этого же цикла «Сибирский музей», где автор обратил внимание на конфликт «Си-

бирской газеты» и думы: *«Кондраты всполюшились! Правдивая заметка в 12 № “Сибирской газеты” произвела свое действие: кондраты озлобились, их чёрствые сердца затрепетали. Из уст полились потоки сквернословия по адресу обличителей»* (СГ. 1884. № 15).

В следующем фельетоне читатель узнал, что «Сибирскую газету» привлекают к суду за «диффамацию города Т-ка», а одного из корреспондентов хотят избить (СГ. 1884. № 19). Обсуждение новости про «пятак» закончилось стихотворением (СГ. 1884. № 22), в котором ситуация и городская дума были представлены в сугубо буффонадном ключе.

Некоторые форматы представления фактов в фельетонах закреплялись Волховским за конкретными литературными масками. Так, практически все «конфликты как информационные поводы» относились к литературной маске «Консерватора» и связанными с ней обличительными фельетонами. В одном из фельетонов цикла «Сибирский музей» автор рассказывал про «томского Кондрата, грозившегося будто бы избить одного из сотрудников «Сибирской газеты» (СГ. 1884. № 15). Практически сразу «Консерватор» парировал: *«Да, кстати уж, не тот-ли это коммерсант, который возмнил, что за тридцать тысяч можно купить закрытие двух печатных органов и, как говорят, уже составил план кампании?!»* (СГ. 1884. № 15).

Такая дискуссия была характерна именно для обличительной маски «Консерватора», хотя иногда она появлялась и в фельетонах «Ивана Брута».

Отдельной категорией является «условная новость», представленная в цикле «Летопись Мирного городка» «Я. Ачинского». «Мирный город» здесь – собирательный образ различных сибирских городов с характерными для них чертами. Это позволило автору выстраивать в фельетонном цикле вымышленные сюжеты с опорой на жизненный материал. Так, в первом фельетоне цикла Волховский описывал «безобразия», происходящие в гостиницах с выдуманными названиями «Новый свет» и «Новая Сибирь» (СГ. 1883. № 44). Несмотря на условность ситуации, читатели понимали, что основой для этого описания были реальные случаи «безобразий» в гостиницах многих сибирских городов. Добавим, что через некоторое время Волховский вернулся к этой теме и сообщил о том, как был решен вопрос с гостиничными не порядками: гостиницы просто переименовали (СГ. 1884. № 16).

Также в фельетонах «Сибирской газеты» постоянно описывались курьезные эпизоды из жизни «несуществующих» питейных заведений, гостиниц, домов терпимости, садов, даже театров – вполне узнаваемых читателями «Сибирской газеты».

Наиболее резонансные темы Волховский освещал, комбинируя приемы работы с фактами. Так, например, событием, широко обсуждаемым на страницах «Сибирской газеты», стал «конфликт вокруг известки», или сюжет о постройке здания бийским купцом первой гильдии Василием Гилевым. Это событие освещалось в нескольких номерах газеты в 1882 г.: в № 30 был опубликован фельетон по поводу сворованной известки, найденной у «первой гильдии купца Бийского»; в № 35 было помещено опровержение от

купца, в котором он обвинил в махинациях с известкой крестьянина С-ина; в № 42 крестьянин опровергнул эту информацию в корреспонденции из Бийска: *«...этот купец, которого помнят все алтайские калмыки, лишившиеся своих табунов, монголы, потерявшие лошадей, и проч. и проч., опровергая сказанную статью, уклонился от истины, которую я считаю долгом исправить. Господин Гилев вовсе не подряжал крестьянина Суворина для доставки известки, и расписка его в торговой книге наводит на невольное сомнение...»* (СГ. 1882. № 42).

Чтобы разобраться в ситуации, Волховский решил перейти из сферы реальных событий в область вымышленных. Он отправился в воображаемое путешествие в Бийск, где «известный тамошний негодник, благотворитель, литератор и знаток “Уложения о наказаниях уголовных и исправительных” окончил постройкой то замечательное сооружение, известка для которого, подобно яблоку Париса, стала предметом раздора между ним, другим местным купцом и поставщиком известки» (СГ. 1882. № 42). Читателю «Сибирской газеты» было понятно, что речь шла не о реальной поездке: в отличие от Волховского, у его «литературной маски» была большая свобода действий и передвижений по Сибири.

В Бийске автор «посетил» обсуждаемое здание, где на котором обнаружил барельеф со множеством отсылок к прошлым «прегрешениям» купца. События этого фельетона, описанные в гротескном ключе с элементами фантастики, вымышленные диалоги, фантазмагории не вводили читателя в заблуждение: все, что говорилось о «вымышленном» Бийске, имело под собой узнаваемую документальную основу и помогало проникнуть в суть обсуждаемой ситуации.

Источники фактов в фельетонах Ф.В. Волховского. Источниками фактов в фельетонах Волховского служили материалы разных жанров как самой «Сибирской газеты», так и томских «Губернских ведомостей», иркутской «Сибири», Санкт-Петербургской газеты «Восточное обозрение», столичных журналов «Вестник Европы», «Дело», «Московский телеграф» и т.д. Нередко публицист опирался на письма и корреспонденции, приходящие в редакцию «Сибирской газеты». Но чаще всего факты были получены самим автором, который видел, слышал, наблюдал окружающую действительность.

Далеко не всегда факты, полученные таким образом, оказывались правдивыми, и Волховский в фельетонах периодически исправлял ошибки, выявленные в предыдущих публикациях.

Так, в 1883 г. в фельетоне цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» Волховский описывал, как взбудоражено местное общество при известии, что в Балаганск прибывает известная российская преступница «Золотая ручка»: *«Но проходит слух – может быть ею-же пущенный – что она “фрейлина”. И все приходит в трепетное волнение: секретарь полиции спешит с нею покурить...»* (СГ. 1883. № 19).

Спустя два выпуска Волховский опроверг свое же собственное высказывание: *«Кстати, по поводу “фрейлины”. В фельетоне 19-го № я смешал ее с “Зо-*

лотою Ручкой” (Блюштейн), тогда как фамилия ее – Новомлинская. Правду сказать смешение извинительное для человека, знающего мир знаменитостей мошенничества (отмеченных судом) не в качестве специалиста» (СГ. 1883. № 28).

Необходимо подчеркнуть, что такая была характерна ситуация была не только для художественно-публицистических, но и для новостных жанров: в «Сибирской газете» часто печатали опровержения непроверенных фактов в корреспонденциях и даже в редакционных новостных текстах.

Опора на корреспонденции и письма в редакцию наиболее часто встречалась в фельетонах, написанных Волховским под псевдонимами «Иван Брут» и «Консерватор»: документальная основа в этом случае формировалась на основе фактов, предоставленных внештатными корреспондентами, но литературно обработанных фельетонистом и «вписанных» в общий фельетонный сюжет.

Еще одной особенностью работы с фактами в фельетонах Волховского было введение в тексты не только информации о недавно произошедших событиях, но и «ретроспективных» новостей. Чаще всего такие факты использовались Волховским для сравнения, чтобы обрисовать определенную тенденцию в общественной жизни. Примером может служить фельетон цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах», где фельетонист, обращая внимание читателей на отсутствие гласных на заседаниях, привел пример аналогичной ситуации прошлых лет, причем факты были взяты из новостной рубрики «Сибирской газеты»: «В прошлом году в одном из окружных городов “мест не столь отдаленных” создана было заседание думы на 18 июня; из 42 гласных явилось 11! На 25 июня новый созыв, – являются те-же 11! Опять созывают на 12 сентября – приходит 6 человек! Наконец 21-го – снова 6! Вообще-же их более 13 одновременно в думских заседаниях не было» (СГ. 1883. № 5).

Необходимо подчеркнуть, что в фельетонах Волховского такие сравнения служили не для усиления аналитического начала, а для создания сатирического эффекта публикации.

Заключение. Таким образом, большинство фельетонов Волховского имело документальную основу, которая создавалась в результате работы публициста с фактами, добываемыми из самых разных источников.

Рассказы очевидцев, письма с мест, газетные и журнальные публикации, которые привлекли внимание Волховского, слухи, статистические данные – все это служило материалом для осмысления и формирования фельетонного сюжета. В результате литературной обработки фактические данные чаще всего теряли свою конкретику: заменялись или сокращались имена, географические названия, место действия переносилось в вымышленный город и т.д. Это позволяло обойти цензурные ограничения и вынести на обсуждение важную общественную проблему, не нарушая установленных правил. Однако читатели «Сибирской газеты» легко расшифровывали иносказания и замены, узнавая в воображаемых персонажах реальных действующих лиц, по отдельным чертам восстанавливая произошедшее событие.

Такое взаимодействие с читателем не только позволяло обойти цензуру, но и являлось частью «литературной игры» с аудиторией «Сибирской газеты». В этом смысле Волховский, несомненно, следовал традициям «Искры» и «Свистка» 1860-х гг., которые первые в самом широком масштабе освоили технику «шифрования» имен и названий, разнообразили сам «эзопов язык» [17]. Однако фельетонист осваивал и приемы сатиры Салтыкова-Щедрина, когда создавал обобщенные образы и типы «кодратов» и других отрицательных персонажей сибирского общества [18]. Воспитывая своего читателя, Волховский учил его «читать между строк на самом интересном месте» (Д. Минаев). Фельетон таким образом выполнял просветительскую функцию, вводил читателей в мир «большой» русской литературы и журналистики.

Документальная основа фельетонов Волховского и их художественная составляющая находились в неразрывном единстве, что позволяло наиболее эффективно работать с аудиторией газеты. Вынужденное отсутствие конкретики усиливало эмоциональное воздействие на читателей, поскольку воздействие оказывалось с помощью образов, созданных в результате типизации и обобщения. Это же позволяет говорить о фельетонах Волховского как об особом формате сибирской публицистики, ограниченной рамками предварительной цензуры, но использовавшей все средства для постановки важных общественных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журбина Е.И. Искусство фельетона. М., 1965.
2. Комаров С.А. Фельетон: проблемы жанрового определения // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. 2011. С. 159–171.
3. Ершов Л.Ф. Из истории советской сатиры. М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х годов. Л.: Наука, 1973. 156 с.
4. Прокопьева С.М., Никонова Ю.И. Типология фельетонов в соответствии с доминирующей прагматической установкой // Филология и человек № 3. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. С. 7–19.
5. Северина Е.А. Фельетон как средство воздействия на общественное мнение // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. С. 79–90.
6. Жиликова Н.В. «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888 гг.) как явление литературного регионализма: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
7. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиликовой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко; оформл. и верстка С.Н. Соболева; дизайн обл. Д.В. Фортес. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
8. Жиликова Н.В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе» (Томск, 18–19 октября 2007 г.). Томск, 2008.
9. Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.

10. Круссер Р.Г. Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72–79.
11. Рощевская Л.П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. пед. ин-та, 1966. С. 51–69.
12. Рощевская Л.П. Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Научные труды Тюменского государственного университета. Тюмень, 1975. № 14. С. 84–95.
13. Доманский В.А. Сибирь в рецепции Ф.В. Волховского // Американские исследования в Сибири. Томск, 1997. С. 229–233.
14. Толуанова Ю.Н. Сатира в публицистике. Специфика и жанровые особенности фельетона как предмет многочисленных споров исследователей // Культура народов Причерноморья. 2007. № 110, т. 2. С. 229–231.
15. Двалишвили Р.В. Некоторые вопросы жанровых особенностей фельетона : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1971. 22 с.
16. Жилиякова Н.В. «Дело о медном пяたке»: Главное управление по делам печати в роли защитника «Сибирской газеты» // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. М. : Фак-т журн. МГУ, 2020. С. 257–359.
17. История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / Д.А. Бадалян, Л.П. Громова, Г.В. Жирков, М.М. Ковалева и др. ; под ред. Л.П. Грозовой. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2013. 528 с.
18. Автухович Т.Е. Сатира и риторика (традиции сатиры XVIII века в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина) // М.Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVII–XIX веков. М. : Наследие, 1998. С. 3451.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 августа 2021 г.

The Documentary Basis and Work With Facts in Feliks Volkhovsky's Feuilletons (1882–1884)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 22–27.

DOI: 10.17223/15617793/469/3

Alexandr E. Mazurov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

Keywords: feuilleton; news; fact; F.V. Volkhovsky; *Sibirskaya Gazeta*.

The article discusses the issue of working with facts in feuilletons by Feliks Volkhovsky, the leading employee of the Tomsk pre-revolutionary *Sibirskaya Gazeta*. For periodicals in Siberia at the end of the 19th century, a characteristic method of working with facts was the creation of feuilletons on their basis: the texts of local feuilletonists relied on city, national, and world news; they affected the economic, sociopolitical, and cultural spheres of life bypassing preliminary censorship. The aim of the study is to identify the documentary basis of satirical genres in pre-revolutionary Siberian periodicals. The research material is Volkhovsky's feuilletons published in *Sibirskaya Gazeta* in 1882–1884. The work uses the method of genre research, the method of genre analysis, the narrative method, and content analysis. The study compares the news selections of *Sibirskaya Gazeta* with the substantive part of the feuilletons, classifies methods of working with facts and presenting them in feuilleton texts. Relying on city and all-Russian news presented in texts in different formats, feuilletons acquired a documentary basis, became an important fact of social life in Siberia. In the article, the author comes to the conclusion that most of Volkhovsky's feuilletons had a documentary basis created as a result of his work with facts obtained from various sources. Eyewitness accounts, letters from the field, newspaper and magazine publications that attracted Volkhovsky's attention, rumors, statistics – all this served as material for comprehending and forming a feuilleton plot. As a result of literary processing, factual data most often lost their specificity: people's and geographical names were replaced or abbreviated, the place of action was transferred to a fictional city, etc. This made it possible to bypass censorship restrictions and bring up an important public problem for discussion without violating the established rules. However, the readers of *Sibirskaya Gazeta* easily deciphered allegories and substitutions, recognizing real characters in imaginary ones, reconstructing events by individual features. The documentary basis of Volkhovsky's feuilletons and their artistic component were in an indissoluble unity, which made it possible to work most effectively with the newspaper's audience. The forced lack of specifics intensified the emotional impact on readers, since the impact was provided with the help of images created as a result of typification and generalization. This also allows speaking of Volkhovsky's feuilletons as a special format of Siberian journalism that was limited by the framework of preliminary censorship, but used all means to raise important public issues.

REFERENCES

1. Zhurbina, E.I. (1965) *Iskusstvo fel'etona* [The Art of the Feuilleton]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Komarov, S.A. (2011) Fel'eton: problemy zhanrovogo opredeleniya [Feuilleton: problems of genre definition]. *Naukovi zapiski Kharkivskogo nashchonal'nogo pedagogicheskogo ushversitetu im. G.S. Skovorodi*. pp. 159–171.
3. Ershov, L.F. (1973) *Iz istorii sovetskoy satiry. M. Zoshchenko i satiricheskaya proza 20–40-kh godov* [From the History of the Soviet Satire. Mikhail Zoshchenko and satirical prose of 1920s – 1940s]. Leningrad: Nauka.
4. Prokop'eva, S.M. & Nikonova, Yu.I. (2010) Tipologiya fel'etonov v sootvetstvi s dominiruyushchey pragmaticheskoy ustanovkoy [Typology of feuilletons in accordance with the dominant pragmatic set]. *Filologiya i chelovek*. 3. pp. 7–19.
5. Severina, E.A. (2016) Feuilleton as a special type of leveraging public opinion. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. pp. 79–90. (In Russian).
6. Zhilyakova, N.V. (2002) “*Sibirskaya gazeta*” (g. Tomsk, 1881–1888 gg.) kak yavlenie literaturnogo regionalizma [“*Sibirskaya Gazeta*” (Tomsk, 1881–1888) as a phenomenon of literary regionalism]. *Philology Cand. Diss.* Tomsk.
7. Zhilyakova, N.V. & Dmitrienko, N.M. (eds) (2004) “*Sibirskaya gazeta*” v vospominaniyakh sovremennikov [“*Sibirskaya Gazeta*” in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: NTL.
8. Zhilyakova, N.V. (2008) [Between literature and journalism: the feuilleton by F.V. Volkhovsky in the “*Sibirskaya Gazeta*”]. *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. Proceedings of the All-Russian Conference “Amerikanskie idei i kontseptsii v humanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri i prepodavanii v sredney i vysshey shkole” [American ideas and concepts in humanitarian researches of scientists of Siberia and teaching in middle and high school]. Tomsk. 18–19 October 2007. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
9. Domanskiy, V.A. (1996) F.V. Volkhovskiy – neglasnyy redaktor “*Sibirskoy gazety*” [F. V. Volkhovsky – the unofficial editor of the “*Sibirskaya Gazeta*”]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Russkie pisateli v Tomске* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley. pp. 147–167.
10. Krusser, R.G. (1978) Neglasnyy redaktor “*Sibirskoy gazety*” [The covert editor of the “*Sibirskaya Gazeta*”]. *Ogni Kuzbassa*. 3. pp. 72–79.
11. Roshchevskaya, L.P. (1966) Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkhovskogo) [Poet of the free press in Siberian exile (on the 120th anniversary of the birth of F.V. Volkhovsky)]. *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury*. pp. 51–69.
12. Roshchevskaya, L.P. (1975) F.V. Volkhovskiy – sotrudnik “*Sibirskoy gazety*” [F.V. Volkhovsky, an employee of the “*Sibirskaya Gazeta*”]. *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauchnye trudy Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 84–95.

13. Domanskiy, V.A. (1997) [Siberia in the reception of F.V. Volkhovskiy]. *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri* [American studies in Siberia]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 25–26 September 1997. Tomsk: Tomsk State University. pp. 229–233. (In Russian).
14. Tolutanova, Yu.N. (2007) Satira v publitsistike. Spetsifika i zhanrovye osobennosti fel'etona kak predmet mnogochislennykh sporov issledovateley [Satire in journalism. The specifics and genre features of the feuilleton as the subject of numerous disputes of researchers]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 110 (2). pp. 229–231.
15. Dvalishvili, R.V. (1971) *Nekotorye voprosy zhanrovyykh osobennostey fel'etona* [Some issues of genre features of the feuilleton]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tbilisi.
16. Zhilyakova, N.V. (2020) [“The case of the copper nickle”: the General Administration of Press as a defender of “Sibirskaya Gazeta”]. *Zhurnalistika v 2019 godu: tvorchestvo, professiya, industriya* [Journalism in 2019: Art, profession, industry]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 06–08 February 2020. Moscow: Lomonosov Moscow State University. pp. 257–359. (In Russian).
17. Gromova, L.P. (ed.) (2013) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov* [History of Russian Journalism of the 18th–19th Centuries]. 3d ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
18. Avtukhovich, T.E. (1998) Satira i ritorika (traditsii satiry XVIII veka v tvorchestve M.E. Saltykova-Shchedrina) [Satire and rhetoric (traditions of satire of the 18th century in the works of M.E. Saltykov-Shchedrin)]. In: *M.E. Saltykov-Shchedrin i russkaya satira XVII–XIX vekov* [M.E. Saltykov-Shchedrin and Russian Satire of the 17th–19th Centuries]. Moscow: Nasledie. pp. 34–51.

Received: 02 August 2021